

Научная статья
УДК 94(100)“1914/19”; 94(436).08
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-3-829-837

Формирование мест памяти русинского населения Галиции и Буковины об интернировании на территории Цислейтании в 1914–1939 гг.

Александр Романович ЮРЛОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
yurlovsasha@mail.ru

Аннотация. Коммеморативные практики вокруг интернирования русинского населения Галиции и Буковины на территории Цислейтании преимущественно оказались связаны с кладбищем лагеря для интернированных лиц Талергоф «Под соснами». Исследование позволило выяснить природу данных коммеморативных практик. Установлено, что кладбище «Под соснами» может считаться ключевым местом памяти об интернировании русинского населения в годы Первой мировой войны, даже несмотря на то, что в межвоенный период было произведено перезахоронение останков жертв лагеря на кладбище Фельдкирхен. Выяснено, что по степени значимости для русин новый мемориальный оссуарий существенно уступает не только прежнему кладбищу, но и ряду локальных памятников. Как в самом Талергофе, так и в межвоенные годы, народный фольклор формировался именно вокруг кладбища «Под соснами». Создание в 1934 г. еще одного места коммеморации – памятника талергофцам во Львове – позволило повысить уровень доступности галичан к осуществлению коммеморативных практик об интернировании русин. Отмечено, что новое место памяти переняло образ старого кладбища «Под соснами», и именно благодаря этому стало вторым по значимости объектом поклонения русинского населения. Полученные в ходе исследования выводы не только дополняют уже существующее представление о коммеморации русин вокруг интернирования, но и позволяют активизировать научные дискуссии о позиции межвоенной Австрии в вопросах сохранения памяти о трагедиях лагерей для интернированных лиц.

Ключевые слова: Талергоф, русофильство, Первая мировая война, Австро-Венгрия, оссуарий

Для цитирования: Юрлов А.Р. Формирование мест памяти русинского населения Галиции и Буковины об интернировании на территории Цислейтании в 1914–1939 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 3. С. 829–837. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-3-829-837>

Formation of memory places of the Rusyns population of Galicia and Bukovina about internment in the territory of Cisleitania in 1914–1939

Aleksandr R. IURLOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
yurlovsasha@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Юрлов А.Р., 2022

Abstract. The commemorative practices around the internment of the Rusyns population of Galicia and Bukovina on the territory of Cisleitania were mainly associated with the cemetery of the internment camp Talerhof “Under the Pines”. The study made it possible to clarify the nature of these commemorative practices. It has been established that the cemetery “Under the Pines” can be considered a key place of memory of the internment of the Rusyns population during the First World War, even though in the interwar period the remains of the victims of the camp were reburied at the Feldkirchen cemetery. It was found that in terms of significance for the Rusyns, the new memorial ossuary is significantly inferior not only to the former cemetery, but also to a number of local monuments. Both in Talerhof itself and in the interwar years, folklore was formed precisely around the cemetery “Under the Pines”. The creation in 1934 of another place of commemoration – a monument to the Talerhofites in Lvov – made it possible to increase the level of accessibility of Galicians to the implementation of commemorative practices about the internment of Rusyns. It is noted that the new place of memory took on the image of the old cemetery “Under the Pines”, and it was thanks to this that it became the second most important object of worship for the Rusyns population. The findings obtained in the course of the study not only complement the already existing idea of the commemoration of Rusyns around internment, but also allow to intensify scientific discussions about the position of interwar Austria in matters of preserving the memory of the tragedies of the internment camps.

Keywords: Thalerhof, Russophilia, First World War, Austria-Hungary, ossuary

For citation: Iurlov A.R. Formirovaniye mest pamyati rusinskogo naseleniya Galitsii i Bukoviny ob internirovaniy na territorii Tsisleytanii v 1914–1939 gg. [Formation of memory places of the Rusyns population of Galicia and Bukovina about internment in the territory of Cisleitania in 1914–1939]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 829-837. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-3-829-837> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых объектов, который неразрывно связан с историей лагеря Талергоф, безусловно, является кладбище «Под соснами», на котором обрели свое последнее пристанище не только узники, но и отдель-

ные представители персонала лагеря. Примечательно, что именно талергофские захоронения стали одновременно и местом памяти русинского населения Галиции и Буковины об интернировании, и предметом продолжительных дискуссий относительно реального

количества жертв лагерей для интернированных лиц.

В связи тем, что историческая память о лагере для интернированных лиц Талергоф и последствиях его функционирования была и остается весьма политизирована, нами была предпринята попытка рассмотреть истоки формирования оценок сущности лагеря сквозь призму коммеморативных практик и мест памяти, связанных с ним. Для этого мы восстановили основные вехи истории ключевого объекта русинской коммеморации – кладбища «Под соснами».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Создавая столь крупный лагерь, австрийские власти были вынуждены вплотную заняться проблемой захоронения умерших узников, поскольку уже в первые дни существования Талергофа смерть стала неизменным его спутником. Первые захоронения администрация лагеря решила производить в западной части летного поля, на котором располагался лагерь [1, S. 126]. Однако место было выбрано неудачно, поскольку для осуществления захоронений приходилось пересекать взлетно-посадочную полосу, а это могло провоцировать сбои в работе авиации и затруднять сам процесс захоронения тел. Тем не менее осенью 1914 г. это не было принято в расчет, поскольку количество смертей еще не было столь высоким, как в начале 1915 г.

По мере возрастания уровня смертности в лагере, что, помимо всего прочего, увеличивало нагрузку на медиков, производивших экспертизы с целью установления причин смерти, а также на священников, совершавших отправление религиозных обрядов, было принято решение о создании нового кладбища для интернированных лиц с индивидуальными захоронениями в более доступном месте.

Всего было выбрано 4 участка для осуществления индивидуальных захоронений, где в конечном итоге находилось 503 могилы для интернированных лиц. Отдельный участок отводился под захоронения жертв ев-

рейского происхождения в соответствии с их религиозными традициями. Всего таких еврейских захоронений было 14 [1, S. 128].

С увеличением числа смертей в лагере оставшиеся в живых узники нередко привлекались к сколачиванию гробов для умерших¹, в которых усопших переносили в лагерную церковь, где не только производилось отпевание, но и патологоанатомические манипуляции. Без проведения подобного освидетельствования похороны не были возможны.

С января 1915 г., когда стали очевидны масштабы эпидемии, практика индивидуальных захоронений была окончена. Дважды в день, после полуночи и в полдень, когда летное поле не использовалось военными, усопших продолжали хоронить на прежнем участке, но уже в братских могилах. Эта практика продолжалась вплоть до закрытия лагеря в 1917 г. [1, S. 131]. В конечном итоге таких братских могил насчитывалось 20, в каждой из которых покоились от 51 до 76 жертв Талергофа. В «Талергофском альманахе» обнаруживаем, что к моменту закрытия кладбища номера на табличках умерших «дошли до двух тысяч»².

Помимо захоронений интернированных лиц, в Талергофе существовал еще и участок с кладбищем для военных. Изначально нескольких солдат успели похоронить вместе с интернированными, однако в «Талергофском альманахе» мы находим свидетельства, подтвержденные выводами австрийской исследовательской группы о том, что этих солдат решили перезахоронить на новом кладбище, поскольку они «не должны были лежать с изменниками»³. Здесь покоились 36 австрийских военнослужащих, которые умерли на территории лагеря или неподалеку от него во время эпидемии тифа [1, S. 132]. Известно при этом, что один из австрийских солдат, похороненных здесь, покончил жизнь само-

---

¹ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпатурским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1932. С. 69.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 123.

убийством в 1915 г. Причины этого поступка неизвестны, поэтому невозможно связывать их с лагерем.

После принятия решения о закрытии лагеря для интернированных лиц Талергоф 3 мая 1917 г. потребовалось еще несколько месяцев для того, чтобы приспособить его трагическое наследие под иные нужды. Так, с мая по июль 1917 г. на территории бывшей лагерной больницы начал действовать госпиталь для военнопленных, страдавших туберкулезом. Лечение там прошли порядка 260 человек, из них 107 человек – русские военнопленные.

Кроме того, бараки и иные хозяйственные постройки бывшего лагеря на протяжении года использовались для размещения итальянских и русских военнопленных, число которых достигло 1418 человек. Всего же здесь до 19 декабря 1918 г. умерло 193 итальянских и 36 русских военнопленных. Они нашли свое последнее пристанище на солдатском кладбище. Здесь же покоятся останки еще 60 неизвестных лиц.

С окончанием Первой мировой войны территория бывшего лагеря, равно как и аэродрома, были перераспределены между администрацией Штирии и новым военным ведомством. После подписания Сен-Жерменского договора на бывшей территории лагеря начался демонтаж барakov и иных построек, а также целого ряда авиационных сооружений, который завершился к 1920 г. Госпиталь же продолжил свою работу в качестве гражданского объекта. Таким образом, единственным напоминанием о некогда существовавшем на этом летном поле лагере для интернированных лиц остались два кладбища, которые ожидала противоположная участь.

К 1923 г. администрация Штирии утвердила несколько документов об уходе за солдатскими захоронениями на территории бывшего лагеря Талергоф. В частности, здесь был установлен новый забор, могилы были приведены в порядок, в то время как кладбище для интернированных лиц оказалось полностью заброшенным [1, S. 141]. К середине 1920-х гг. могилы были уже едва разли-

чимы: из-за отсутствия ухода за ними, а также вследствие превращения летного поля в пастбище для скота, захоронения стали постепенно сравняться с местным ландшафтом. Опознавательные знаки на захоронениях стали постепенно исчезать⁴. В.Р. Ваврик впоследствии писал об этом времени, что «немцы уже повалили кресты и сровняли могилы» [2, с. 39].

В 1924 г. правительство Штирии все-таки приняло решение о частичной реставрации кладбища для интернированных. Так, в частности, оно было огорожено, ряд братских захоронений были приведены в порядок, восстановлены несколько крестов, однако из-за нехватки средств дальнейшие работы были отложены вплоть до 1930-х гг., когда встал вопрос о реконструкции аэродрома [1, S. 144].

Однако в дискуссиях о судьбе этого кладбища преобладали настроения, связанные с переносом захоронений подальше от территории бывшего лагеря и аэродрома, нуждавшегося в расширении территории. Главный вопрос, который стоял перед властями – как и когда произвести эксгумацию тел, а также где осуществить перезахоронение.

Так, в октябре 1934 г. министерство обороны подробно описало причины, по которым перенос захоронений был неизбежен в связи с расширением территории аэропорта Граца. Именно там военные чиновники впервые предложили провести эксгумацию тел жертв Талергофа с последующим их перезахоронением на территории специально созданного мемориального оссуария. Аналогичные заявления сделали и представители Штирийского правительства месяцем позднее, утверждая, что существующее кладбище ограничивает возможности развития инфраструктуры города и аэропорта. Отмечалось также, что будущее захоронение не должно быть лишь склепом с останками усопших: плани-

⁴ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1932. С. 55.

ровалось создать небольшой комплекс, увековечивавший имена всех жертв Талергофа.

Имеются также свидетельства, что, как только среди населения Галиции стали распространяться слухи о возможном переносе талергофского кладбища, карпаторусский архиепископ в Нью-Йорке Адам Филиповский предложил организовать сбор средств для проведения перезахоронений, однако этот замысел так и не был реализован⁵.

Связано это стремление было с тем, что на талергофском кладбище обрели свой покой жители нескольких вновь образованных соседних государств, у которых также могли быть свои требования по проведению подобных работ по увековечиванию памяти их граждан. Основания для подобных требований были зафиксированы в тексте Сен-Жерменского договора 1919 г., в статьях 171-172, в соответствии с положениями которых австрийское правительство обязалось уважать и поддерживать в сохранности могилы солдат, военнопленных и интернированных лиц⁶. Также стороны обязались предоставлять полные списки умерших вместе с любой информацией, необходимой для идентификации их личностей. Отметим, что несмотря на проблемы с поддержанием в должном состоянии кладбища для интернированных лиц, официальные списки жертв Талергофа предоставлялись австрийской стороной и доступны в исходном виде по сей день.

Ситуация с эксгумацией тел жертв Талергофа изначально была достаточно деликатным международным мероприятием. Так, австрийская сторона инициировала переговоры с польским правительством по поводу возможного перезахоронения останков жертв Талергофа, которые завершились в феврале 1936 г. достижением устного соглашения сторон о взаимопонимании в данном вопросе [1, S. 149].

---

⁵ Карпаторусский календарь Лемко-союза. Нью-Йорк, 1964. С. 49.

⁶ Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Austria; Protocol, Declaration and Special Declaration, 10.09.1919. URL: <http://www.austlii.edu.au/other/dfat/treaties/1920/3.html> (accessed: 18.12.2021).

Помимо этого, безусловно, требовалось также проведение различных санитарных исследований, которые могли подтвердить возможность осуществления перезахоронений с медицинских позиций. Необходимо было согласование проекта нового оссуария и места для расположения будущего мемориала.

Первые оценки стоимости строительства мемориального оссуария для перезахоронения жертв Талергофа вместе с проведением эксгумационных работ и работ по облагораживанию близлежащей территории показали, что потребуется около 18 тысяч шиллингов. В связи с высокой стоимостью проекта предлагался также поэтапный перенос захоронений на новое место, начиная с тех могил, которые наиболее близко располагались к аэропорту [1, S. 153].

К февралю 1936 г. в качестве основного проекта мемориального оссуария рассматривался проект архитектора Роберта Штельцеля, представлявший собой часовню цилиндрической формы, внутри которой находилась памятная комната для увековечивания имен жертв Талергофа. Расположить оссуарий предполагалось на территории местности Фельдкирхен и его кладбища, что в нескольких километрах от бывшей территории Талергофа и вблизи Граца. Примечательно, что любые пропамятные надписи, которые планировалось оставить на стенах оссуария, должны были исключать любые упоминания о том, что жертвы Талергофа были интернированными подданными Австро-Венгрии. Этот факт может указывать на официальную попытку придать усопшим жертвам лагеря иной статус: клеймо интернированных с них официально «снималось».

Проведение эксгумации и перезахоронения были запланированы в марте–апреле 1936 г., чтобы избежать неблагоприятных погодных условий: жары и непогоды, которые могли стать источником дополнительных медико-санитарных проблем. Процедура эксгумации и перезахоронения тел, в соответствии с планами властей, должна была производиться специальным гражданским подрядчиком. При этом доступ любых иных

неавторизованных лиц был полностью ограничен.

К подрядчикам предъявлялись весьма жесткие требования к организации безопасной и полной эксгумации тел жертв лагеря: так, за утраченные части скелета подрядчику необходимо было выплатить штраф в размере от 10 до 20 шиллингов. Особое внимание уделялось перезахоронению останков еврейских узников, поскольку эта процедура требовала повышенного внимания, в том числе и с религиозной точки зрения. В конечном итоге было принято решение о перезахоронении их останков на территории другого кладбища в Граце – на кладбище Ветцельсдорф.

Из-за ряда задержек работы по эксгумации тел начались лишь 22 апреля 1936 г. и продолжались до июня того же года. Примечателен тот факт, что к 25 июня на территорию будущего оссуария было доставлено лишь 1744 останка жертв Талергофа, а также обнаружено лишь 13 еврейских останков из 14. Некоторое время спустя власти сообщали о 1758 останках, а также о 9 металлических гробах, которые не распечатывали, поскольку в них, предположительно, могли быть захоронены тела умерших от заразных инфекционных заболеваний [1, S. 160]. Сведения о наличии ряда металлических гробов содержатся и в «Талергофском альманахе»⁷. Таким образом, на кладбище в Фельдкирхене оказались перезахоронены все 1767 жертв Талергофа, упомянутых в официальных списках, судьба же одного еврейского узника, не обнаруженного при эксгумации, осталась неизвестна. Вполне возможно, что его фамилия была по ошибке внесена в списки, либо захоронение было произведено где-то в ином месте.

Тем временем строительные работы по возведению мемориального оссуария на территории кладбища в Фельдкирхене были завершены в августе 1936 г. Задержка с окончательной сдачей объекта в эксплуатацию

была вызвана определением текста памятной надписи внутри мемориального комплекса. У административных лиц возникало много вопросов относительно того, как должна звучать финальная версия этого короткого сообщения, должно ли там содержаться, например, упоминание о гражданстве захороненных здесь лиц. Объектом дискуссии стал и язык (языки) надписи.

Местная администрация отмечала, что к оссуарию приковано значительное внимание Львова, в частности, украинских/русинских националистов, а потому следовало избегать любых внешнеполитических разногласий вокруг нового мемориального комплекса. К примеру, звучали призывы не допустить превращения статуса оссуария в исключительно русинское место памяти. Как отмечает австрийская исследовательская группа, объяснялось это соображениями сохранения межнационального мира в регионе, а также воспитания терпимости и взаимоуважения [1, S. 164]. В доказательство этого исследовательская группа приводит свидетельства о публичных выступлениях и протестах некоей группы украинских студентов, которые требовали добавить в оссуарии памятную надпись на украинском языке и заменить любые упоминания русин на украинцев.

Руководство Штирии в конечном итоге разработало и разместило на стенах оссуария весьма обтекаемую и нейтральную по своему содержанию фразу на немецком языке: «Вдали от дома, здесь покоятся 1767 мужчин, женщин и детей из лагеря Талергоф – жертв мировых войн. Пусть их души обретут покой в их вечном доме». На наш взгляд, сколь бы нейтральна ни была данная формулировка, идея, в нее заложенная, подталкивает к мысли, что именно война стала причиной гибели узников, а вовсе не политика Австро-Венгрии, сам лагерь с катастрофическими условиями жизни в нем. Представляется, что австрийские власти явно попытались максимально отстраниться от печального наследия, не принимая на себя вину за трагедию прошлого.

⁷ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1932. С. 52.

Внутреннее убранство часовни, как общается в «Карпаторусском календаре», было создано за счет средств Талергофского комитета и галицко-русских переселенцев, проживавших в Америке⁸. Однако документальных подтверждений этому факту в работе австрийской исследовательской группы мы не находим. Окончательно открыт мемориальный комплекс был 23 июня 1937 г. Старое кладбище «Под соснами» осталось в памяти русин и в их литературном творчестве⁹.

Следует отметить, что, хотя мемориальный оссуарий, бесспорно, стал ключевым местом памяти о трагедии русинского населения, расположен он вдали от Галиции и Буковины, а потому местное население испытывало осознанную потребность в институционализации собственных мест памяти и осуществлении соответствующих коммеморативных практик. Важнейшим источником подобных практик стала деятельность Талергофского комитета.

Эта общественная организация русофильского толка, созданная вскоре после окончания Первой мировой войны по инициативе лиц, прошедших через многочисленные австрийские тюрьмы и лагеря, располагалась во Львове на улице Бляхарской, 9, в здании бывшей типографии Ставропигийского института. Руководил деятельностью комитета Антон Осипович Гулла – судья из Львова, сениор Ставропигийского братства, русофил, который в течение года находился в Талергофе [3]. Секретарем комитета являлся же В.Р. Ваврик [2, с. 35].

Основная работа Талергофского комитета заключалась в накоплении и сохранении материалов об истории лагерей для интернированных лиц и их узников, а также последующая публикация собранного в «Талергофском альманахе». Известно, что в 1928 г. Талергофский комитет выступил с инициативой проведения первой общественной панихиды

⁸ Карпаторусский календарь Лемко-союза. Нью-Йорк, 1964. С. 50.

⁹ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1932. С. 196.

памяти жертв австрийского террора, которая впоследствии стала ежегодной [4, с. 169].

Среди других направлений деятельности Талергофского комитета можно выделить поощрение развития коммеморативной активности русин. Так, в выпущенном в 1932 г. народном сборнике стихов содержались не только примитивнейшие рекомендации по их декламации, но и рекомендации не читать веселых стихов на траурных мероприятиях, таких как «талергофские поминки» [5, с. 4].

Не менее примечательной коммеморативной практикой следует считать также и так называемые «Талергофские съезды», первый из которых состоялся в 1928 г., а наиболее крупным являлся съезд 1934 г., по некоторым оценкам, собравший до 15 тысяч человек. Именно там было принято решение о сооружении собственного мемориала – памятника жертвам Талергофа на Лычаковском кладбище во Львове [6, с. 248]. Комитет одобрил проект памятника архитектора О. Лыщука и инженера Л. Туровича [7]. Мемориальный комплекс представлял собой черную мраморную стелу, в которую вписан большой восьмиконечный крест из белого мрамора. Внизу стелы располагалась надпись: «Жертвам Талергофа. 1914–1918. Галицкая Русь». Вокруг надписи каймой располагался терновый венок из кованного металла. Монумент реставрировался и несколько видоизменялся в 1974 и 2010 гг.

Под сооружение было выбрано свободное от захоронений место на Лычаковском кладбище города. Как сообщает Н.М. Пашаева, открытие памятника в 1934 г. сопровождалось крестным ходом и большим стечением русофилов. Также после сооружения памятника сформировалась традиция на Фомино воскресенье (первое воскресенье после Пасхи) проводить возле него панихиду «по невинным жертвам Первой мировой войны, замученным в Талергофе, Терезине и иных местах» [4].

ВЫВОДЫ

Исследование показывает, что формирование в межвоенный период мест памяти ру-

синского населения Галиции и Буковины о событиях интернирования времен Первой мировой войны происходило в двух направлениях. Ключевым объектом коммеморации являлось кладбище талергофцев «Под соснами», которое, однако, было географически и политически оторвано от русин, и они не имели возможности оказывать прямого воздействия на его физическое сохранение и развитие, поэтому основной поток коммеморативных практик вокруг кладбища был связан с творческим осмыслением событий

прошлого. Позиция Австрии в вопросах сохранения русинского трагического наследия на своей территории была весьма неоднозначна: в ней прослеживалось стремление нивелировать негативные блоки памяти о лагерях для интернированных лиц. Вторым же направлением деятельности русин стала попытка воссоздать «восприемника» ключевого объекта коммеморации на своей территории: им стал львовский монумент и практики, его окружавшие.

Список источников

1. Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Thalerhof 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer. Herne: Gabriele Schäfer Verlag, 2010. 212 S.
2. Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Филадельфия, 1966. 97 с.
3. Минович Р.Д. Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. Львов, 1971.
4. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. 201 с.
5. Ваврик В.Р. Веночек стихотворений. Львов, 1932. 32 с.
6. Баринов И.И. Три жизни доктора Ваврика: к истории одного мифа из прошлого Галиции, 1914–1956 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 1. С. 239–273.
7. Замятин И. Во Львове помянули жертвы Талергофа. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=9005> (дата обращения: 09.12.2021).

References

1. Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Thalerhof 1914–1936. *Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer*. Herne, Gabriele Schäfer Verlag, 2010, 212 S. (In German).
2. Vavrik V.R. *Terezin i Talergof. K 50-letney godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Talerhof. To the 50th Anniversary of the Tragedy of the Galician-Russian People]. Philadelphia, 1966, 97 p. (In Russian).
3. Mirovich R.D. *Alfavitny ukazatel' zhertv avstro-mad'yarskogo terrora vo vremya pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. na oblastyakh Galitskoy i Bukovinskoy Rusi s biograficheskimi i bibliograficheskimi dannymi* [Alphabetical Index of the Victims of the Austro-Magyar Terror During the First World War 1914–1918 in the Regions of Galician and Bukovinian Rus with Biographical and Bibliographic Data]. Lvov, 1971. (In Russian).
4. Pashayeva N.M. *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian Movement in Galicia 19th–20th centuries]. Moscow, 2007, 201 p. (In Russian).
5. Vavrik V.R. *Venochek stikhotvoreny* [Wreath of Poems]. Lvov, 1932, 32 p. (In Russian).
6. Barinov I.I. Tri zhizni doktora Vavrika: k istorii odnogo mifa iz proshlogo Galitsii, 1914–1956 gg. [Three lives of Dr. Vavrik: towards a history of a myth from the past of Galicia, 1914–1956]. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* [Forum of Recent Eastern European History and Culture], 2016, no. 1, pp. 239–273. (In Russian).
7. Zamyatin I. *Vo L'vove pomyanuli zhertvy Talergofa* [Victims of Talerhof Commemorated in Lvov]. (In Russian). Available at: <https://rusk.ru/st.php?idar=9005> (accessed 09.12.2021).

Информация об авторе

Юрлов Александр Романович, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-0356-5800](https://orcid.org/0000-0003-0356-5800), yurlovsasha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2022
Одобрена после рецензирования 06.06.2022
Принята к публикации 10.06.2022

Information about the author

Aleksandr R. Iurlov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0356-5800](https://orcid.org/0000-0003-0356-5800), yurlovsasha@mail.ru

The article was submitted 09.02.2022
Approved after reviewing 06.06.2022
Accepted for publication 10.06.2022